

**О МЕСТЕ ТРАКТАТА *О ЮНОСТИ И СТАРОСТИ,*
ЖИЗНИ И СМЕРТИ И О ДЫХАНИИ В КОРПУСЕ
АРИСТОТЕЛЕВСКИХ СОЧИНЕНИЙ,
ЕГО НАЗВАНИИ И РАЗДЕЛЕНИИ
ТЕКСТА ИЗДАТЕЛЯМИ**

М. А. СОЛОПОВА
Институт философии РАН (Москва)
msolopova@yandex.ru

Maria Solopova
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

ON THE PLACE OF THE TREATISE "ON YOUTH AND OLD AGE, LIFE AND DEATH, AND ON RESPIRATION"
WITHIN THE CORPUS ARISTOTELICUM, ITS TITLE AND THE EDITORIAL DIVISION OF THE TEXT

ABSTRACT. The article deals with some textual issues related with Aristotle's treatise "On Youth and Old Age, Life and Death" (*De juventute et senectute et vita et morte*). This text is conventionally included in the so-called "small scientific works" (*Parva naturalia*). In the article I consider the variant titles testified in the sources as well as the place the treatise occupies within the set of Aristotle's scientific works. I trace the parallels of this treatise with another Aristotle's writings, such as "*De longitudine et brevitae vitae*" and "*De anima*". The treatise is further compared with Aristotle's works on physics and biology, esp. "*De partibus animalium*", "*De motu animalium*", "*De generatione animalium*". I discuss the concept of life, functions of the vegetative soul, its "medial" location, and Aristotle's definition of the soul's and body's «midpoint» in respect to the «upward» and «downward» directions. For understanding the meaning of the term «innate natural heat» it is proposed to compare it with the terminology of such Aristotelian works as "*De motu animalium*" and "*De generatione animalium*".

KEYWORDS: Aristotle, *Parva naturalia*, biology, soul, philosophical psychology, life, death, middle, heart, vital heat, connate pneuma.

Жизнь во всем разнообразии смыслов этого понятия является предметом исследования Аристотеля в большинстве его сочинений по физике и биологии, но особое внимание философ уделяет ей в трактате «О душе» и серии сочинений, известных под поздним издательским названием *Parva naturalia*. Одно из них, «О юности и старости, жизни и смерти, и о дыхании» представляет интерес как произведение, в котором Аристотель в очередной раз обращается к понятию жизни, дополняя и уточняя ранее сказанное. В этой связи заслуживает внимания сама логика возвращения Аристотеля к данной проблематике, его попытка говорить от теории жизни, в отличие от истории (описания) жизни животных разных видов, и в отличие от структурного исследования души, связанного с изучением жизни конкретного вида, а это значит – с изучением той или иной части души, ее функций и соответствующих органов тела (органов чувственного восприятия, усвоения пищи и т. п.). В трактате «О душе» Аристотель дал общее определение души, решив задачу через привлечение понятия энтелехии природного тела. Там же, во второй книге трактата «О душе», определено, что животные отличаются от растений тем, что обладают чувственным восприятием, т. е. чувственно воспринимающей душой, а не только растительной (питающей). В трактате «О юности и старости, жизни и смерти» намерение философа состоит в том, чтобы обсудить наиболее универсальные функции жизни с учетом данных ранее определений. Его интересует жизнь как то общее, что отличает все живые существа, а общим для них является питающая (растительная) душа. По Аристотелю, именно она прежде всего делает живое живым. Все живое, чтобы жить, необходимо должно питаться и дышать, всему живому по природе свойственно сначала быть молодым, а потом стареть и умирать. Вот почему об этом говорит Аристотель в своем трактате, и вот почему этот трактат завершает его исследование о животных.

Название трактата и современная практика издания его текста

Заголовок трактата Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании», входящего в состав *Parva naturalia*, сам по себе требует некоторых пояснений. Он кажется довольно длинным, по сравнению с другими сочинениями аристотелевского корпуса. Но заголовок как таковой не дает нам оснований для умозаключений об аутентичности либо неаутентичности произведения, поскольку все заголовки существующего корпуса аристотелевских сочинений не принадлежат автору, но даны издателями. Заголовок этого трактата объясняется просто – он дан по первой строке текста: «Теперь скажем о юности и старости, о жизни и смерти. Пожалуй, надо сразу сказать о дыхании и его причинах, ибо у некоторых животных без дыхания не бывает и

жизни» (*De iuv.* 467b10–13). Похожим образом, путем сокращенного повторения первой строки текста, получил свое название и непосредственно предшествующий ему трактат «О долготе и краткости жизни». Из первой строки сделали заголовок, очевидно, средневековые переписчики. Однако вопрос в том, насколько соответствует заголовок произведения его содержанию. Кажется бы, в тексте должно говориться о том, о чем сказано в заглавии: о юности, старости, жизни, смерти, дыхании. Однако это не совсем так.

Прежде всего, нужно отметить наличие проблемы, связанной с имеющимся в нашем распоряжении текстом и, как следствие, с его названием. Разные издатели по-разному понимают, где один трактат заканчивается и начинается следующий. Это последнее в группе малых естественнонаучных сочинений издавалось в новоевропейской издательской практике под названием «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании» либо «О юности и старости, жизни и смерти», и в обоих случаях его текст состоял из шести глав. В издании **Росса**¹ мы видим более длинный вариант заголовка («О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании», греч. *Περὶ νεότητος καὶ γήρως καὶ ζωῆς καὶ θανάτου καὶ ἀναπνοῆς*) и текст, состоящий из 6 глав. После него следует трактат «О дыхании» (*Περὶ ἀναπνοῆς, De respiratione*)², состоящий из 21 главы, который в таком случае оказывается последним, и притом восьмым, из трактатов *Parva naturalia*. Как и для всех произведений Аристотеля, принята пагинация согласно изданию **Беккера**³ (467b10–470b5; 467b10–470b5), который и ввел данное членение текста. В издании **Хетта**⁴ трактат носит заголовок «О юности и старости. О жизни и смерти» (греч. *Περὶ νεότητος καὶ γήρως. Περὶ ζωῆς καὶ θανάτου*), что демонстрирует желание издателя и переводчика не только поддержать традицию отдельного издания текстов «О юности и старости, жизни и смерти» и «О дыхании», но и подчеркнуть некоторую обособленность двух тем (юность и старость – жизнь и смерть) внутри уже одного трактата.

Наконец, еще одна комбинация расположения трактатов реализована в издании **Трико**⁵: «О юности и старости» и «О жизни и смерти» разделены не точкой в заголовке, а фрагментом (трактатом) «О дыхании». Читателю предлагается знакомиться с заключительными трактатами группы *Parva naturalia* в последовательности «О юности и старости» – «О дыхании» – «О жизни и смерти». В этом случае малых естественнонаучных сочинений

¹ Ross 1955; 1970 (*Aristoteles. De vita et morte*, 467b10–470b5).

² Ross 1955; 1970 (*Aristoteles. De respiratione*, 470b6–480b30).

³ Bekker 1831 (*Aristotelis Opera*).

⁴ Hett 1957; 2000 (*Aristotle. On Youth and Old Age. On Life and Death*), 412–429.

⁵ Tricot 1951 (*Aristote. Parva naturalia*).

оказывается девять, и к ним традиционно добавляется псевдоаристотелевский трактат «О пневме» (Περὶ πνεύματος, De spiritu), который обычно печатают после трактатов *Parva naturalia* все издатели. В издании Трико не столько разделены на две самостоятельные части «О юности и старости, жизни и смерти», сколько присоединен к ним, хотя и в альтернативной последовательности, трактат «О дыхании». Об этом ясно говорит и принятая в издании нумерация глав: начиная с трактата «О дыхании» Трико дает как отдельную нумерацию глав этого трактата (гл. 1–21), так и сквозную в квадратных скобках ([7–22]), а начиная с трактата «О жизни и смерти» сквозная нумерация у него отсчитывается дважды (для его первой главы: [17, 23], для последней: [21, 27])⁶. В таком виде, хотя и с громоздкой нумерацией, содержание разделенного трактата «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании» в целом соответствует всем трем темам, заявленным в его начале.

Вообще говоря, ответ на простой вопрос, сколько же трактатов входит в *Parva naturalia*, зависит от того, в каком объеме следует принять текст трактата «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании»: считать его одним (вместе с фрагментом «О дыхании»), двумя (отделяя «О дыхании») или тремя (переставляя «О дыхании»). И в зависимости от этого общее количество трактатов в серии может варьироваться от семи до девяти. Кажется, что менее всего последовательно использовать тройной заголовок и не включать в текст часть о дыхании.

Современная точка зрения состоит в том, чтобы прочесть трактат как единое произведение, в той последовательности и объеме текста, который заявлен автором в первой строке исследования. Эту позицию отстаивает в своем исследовании Кинг⁷ и предлагает считать трактат целым в составе 27 глав (заметим, как и ранее Трико). Таким образом, трактат «О дыхании» оказывается главами 7–27 единого трактата «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании». В пользу этого решения говорит соответствие текста традиционному заголовку и начальной строке исследования. Рукописная традиция не дает оснований для деления большого трактата на две самостоятельные части. Единственный комментарий к данному сочинению, принадлежащий Михаилу Эфесскому, не отделяет фрагмент о дыхании. Наконец, указывают на то, что речь о юности и старости впервые заходит

⁶ Надо понимать эту нумерацию так, что оказавшийся последним в *traduction nouvelle* Трико трактат «О жизни и смерти» (в нем 5 глав) будет соответствовать главам 17–21, если считать его частью отдельного трактата «О дыхании» (в котором 21 глава), или же он будет соответствовать главам 23–27 одного целого трактата «О юности и старости, жизни и смерти, и о дыхании» (а в нем всего 27 глав).

⁷ King 2001.

только в главе 24-й, т. е. уже в трактате «О дыхании», если признать его отдельным. В результате разделения трактата мы получаем сочинение «О юности и старости, жизни и смерти», в котором ничего не говорится о юности и старости, что странно даже для читателя, привыкшего к особенностям многократно отредактированных изданий лекционных курсов Аристотеля, наподобие «Метафизики».

Почему же сложилась традиция разделять его? В сущности, сам текст подталкивает к текстологическим упражнениям и поиску исходного образца «руки Аристотеля». Вероятно, любое решение вопроса о том, сколько частей в данном трактате, сводится к волевому решению издателей (новых или старых), – мы не можем быть уверены, каков был текст на самом деле и подозреваем, что изначально это были фрагменты лекций, которые позволяли составить из них отдельное сочинение. В итоге оно выглядит не хуже прочих сочинений по философии природы, которые тоже, бывает, не монолитны.⁸ Текст получился не без внутренних перепадов, возникающих в момент перехода от темы к теме. Объяснимо желание зафиксировать эти стыки как конец одного и начало другого сочинения, улучшить рукописную традицию. Итог мы наблюдаем сейчас, когда трактат предлагается соединить в целое из 27 глав. На современный взгляд, вставки или сбои в последовательности изложения у Аристотеля не большая проблема, а идти против рукописной традиции нужно с большим запасом основательных аргументов.

Не только текст дает повод разделить его как-нибудь по-новому, но и ссылки в других сочинениях Аристотеля указывают на наличие отдельного трактата «О дыхании». Сначала отметим, что в непосредственно предшествующем трактате «О долготе и краткости жизни» (467b6-9) имеется традиционная для Аристотеля конечная связка, указывающая на тему следующего рассуждения: «Остается рассмотреть, что такое молодость и старость, жизнь и смерть, и на этом наше исследование животных будет завершено».⁹ Как видим, не сказано, что будет говориться еще и о дыхании. И почему бы не предположить, что «О дыхании» это отдельный трактат? Более того, этот трактат содержит исторический обзор мнений (Аристотель приводит мнения о дыхании Демокрита, Анаксагора, Диогена Аполлонийского, Платона), – трудно припомнить случай, когда Аристотель обсуждает историю во-

⁸ Ср. замечание о небольшом трактате «О движении животных»: «*О движении животных* выглядит как законченное произведение, однако, в отличие от больших сочинений Аристотеля, очень конспективно» (Афонасин 2016, 734).

⁹ Солопова 2016, 173.

проса не в начале исследования, а в его середине. Поэтому возможно, что «О дыхании» это отдельное произведение.

В конце «О дыхании» (считать ли его трактатом или фрагментом другого трактата) сказано: «Итак, о жизни и смерти и о родственных проблемах, требовавших исследования, сказано почти все. Что касается здоровья и болезней, то это предмет изучения не только врача, но и натурфилософа, если говорить о поиске их причин», и т. д. На основании этих заключительных слов Аристотеля можно было бы признать текст единым и называть его «О жизни и смерти», а отдельными темами в его рамках предстали бы рассуждения о питании, дыхании, юности и старости. Согласно древнему списку сочинений Аристотеля, восходящему к утраченному каталогу Андроника Родосского, у Аристотеля было сочинение «О жизни и смерти»,¹⁰ – видимо, это вариант заглавия нашего трактата. Кстати говоря, как таковой темы о юности и старости в дошедшем до нас тексте нет, – ее нет даже там, где единственный раз в тексте все же появляется слово «юность» (*De juv.* 479a30). Поэтому аргумент о том, что странно печатать трактат «О юности и старости, жизни и смерти» отдельно от трактата «О дыхании», где впервые говорится о юности, не слишком убедителен по той причине, что о юности на самом деле не сказано ни там, ни там. Про юность в заголовке можно было бы и не упоминать, – если бы заголовок не сложился в том виде, в каком сложился, и не был подтвержден рукописной традицией.

Конечно, название могли дать с большой долей произвольности. На основании уже упомянутого византийского комментария к *Parva naturalia* Михаила Эфесского можно предположить, что в его время устоявшегося названия не было. Заголовок комментария Михаила звучит так: «Схолии на *О памяти и припоминании, Сне и бодрствовании и О предсказаниях во сне* Аристотеля», но на самом деле после комментариев к трем указанным сочинениям начинается как бы новый раздел с комментариями на «О долготе и краткости жизни» и «О старости и юности» (99,1–149,8, заглавие: Περὶ γήρωσ καὶ νεότητος καὶ ζωῆς καὶ θανάτου καὶ ἀναπνοῆς). Строкой выше это же сочинение названо «О жизни и смерти, старости и юности». В конце комментария Михаил еще раз упоминает его (среди произведений, которые он «разъяснил как смог») в таком виде: «О долготе и краткости жизни» и вместе с ним «О старости и юности» (καὶ σὺν τοῦτοις περὶ γήρωσ καὶ νεότητος),¹¹ т. е.

¹⁰ Это каталог т. н. Птолемея аль-Гариба (иногда отождествляемого с Птолемеем Хенном). Текст был переведен с греческого на сирийский, затем на арабский и сохранил арабскими доксографами, см. Düring 1957, 221–231.

¹¹ Wendland 1903 (*Michaelis Ephesii in parva naturalia commentaria*), 149, 10–11. В издании Хетта эти два сочинения действительно представлены вместе: переводчик

как будто он является дополнением к «О долготе и краткости жизни». Отметим, что у другого известного византийского комментатора Софония (чей текст издан под именем Фемистия)¹² в комментарии к *Parva naturalia* трактат «О юности и старости, жизни и смерти» отсутствует.

«О юности и старости, жизни и смерти» в контексте других сочинений корпуса

Какие же вопросы обсуждает Аристотель в своем трактате, и что содержательно могло подвигнуть издателей и переписчиков попытаться изменить старый порядок глав и предложить новый? Мы видим у Аристотеля преимущественное внимание к физической составляющей жизненных процессов, к четырем элементам, четырем основным качествам, пространственной ориентации по линии верх-низ, локализации души в середине теле, роли нагревания и охлаждения в организме, в связи с этим к среде обитания, органам жизнедеятельности, физиологии питания и дыхания, чувственному восприятию. Поэтому, во-первых, отметим тесную связь двух трактатов «О долготе и краткости жизни» и «О юности и старости, жизни и смерти и о дыхании». Выше было сказано, что в комментарии Михаила Эфесского эти два трактата упомянуты едва ли не вместе, и действительно, тему о молодом и пожилом возрасте можно воспринимать как продолжение рассуждения о продолжительности жизни. Эти трактаты как таковые стоят особняком в ряду других трактатов *Parva naturalia*, наиболее значимые из которых («О чувственном восприятии», «О памяти», «О сне») действительно являются дополнением и уточнением проблематики трактата «О душе». В одну серию вместе с ними их включить не трудно, оправдывая это тем, что в них Аристотель переходит к наиболее общим свойствам жизни и живого. Но в таком виде они ближе не к трактату «О душе», а к группе биологических сочинений, которые, в свою очередь, не каменной стеной отделены от психологических трактатов, являясь частью учения Аристотеля о живой природе, и шире – физики как одной из теоретических наук.

Во-вторых, отметим близость проблематики трактата «О юности и старости» и трактатов о природе животных. Сошлемся еще раз на Михаила Эфесского и его комментарий. Перечисляя все тексты, к которым он составил комментарий, он указывает в одном ряду и трактаты о природе, и трактаты о душе: «О частях животных», «О передвижении животных» (Περὶ ζώων

предваряет их общим предисловием, но далее они следуют как самостоятельные произведения, и «О дыхании» тоже опубликовано как отдельный трактат (Hett 1957; 2000, 388–481).

¹² Wendland 1903 (*Themistii (Sophoniae) in parva naturalia commentarium*), 1–44.

μωρίων καὶ πορείας), а также «О памяти и припоминании», «О движении животных», «О возникновении животных», и «О долготе и краткости жизни» и вместе с ним «О старости и молодости». Названные трактаты «О частях животных», «О движении животных» и другие составляют более родственный контекст для прочтения как «О долготе и краткости жизни», так и «О юности и старости, жизни и смерти».

Что касается хронологии, то этот трактат сравнительно поздний, во всяком случае, написан после большинства из упомянутых выше произведений Аристотеля о душе и о животных, так что не случайно его публикуют последним в серии *Parva naturalia*. Об этом можно судить на основании трактата «О движении животных», где имеется отсылка к более ранним сочинениям «О частях животных», «О душе», «Об ощущении и ощущаемом», «О памяти», «О сне и бодрствовании».¹³ Аристотель здесь не упомянул «О предсказаниях во сне», «О долготе и краткости жизни» и «О дыхании». Следовательно, эти сочинения были написаны позднее, чем трактат «О движении животных», как и сочинение «О возникновении животных», которое прямо анонсировано в его заключительной строке.

«О жизни и смерти» ни в каком варианте названия также не упомянуто Аристотелем в трактате «О движении животных», ни в числе уже написанного, ни в числе задуманного. Однако, как мы помним, оно было названо им самим в конце трактата «О долготе и краткости жизни». Весьма вероятно, что замысел трактата «О юности и старости, жизни и смерти» сложился у Аристотеля после того, как он обратился к вопросу о продолжительности жизни. И в ходе работы над этой темой наряду с трактатом «О долготе и краткости жизни» возникло еще и отдельное рассуждение о жизни, смерти, юности и старости. Вернее, возник текст, который издатели впоследствии не знали, куда лучше пристроить, – точно так же, как затруднялся, что делать с лекциями по первой философии Андроник Родосский. Только в отличие от лекций по первой философии и исследования бытия и сущности, эти несколько глав о жизни и смерти не были центральными для аристотелевской философии, их значение гораздо скромнее.

Хотя, повторимся, заголовок трактата не авторский и возник как издательский прием средневековых книжников, – все же можно сказать, что в данном случае конспективный характер заголовка неплохо передает характер текста, похожего скорее на ряд экскурсов, автокомментарий к исследованию (мол, еще надо бы сказать о том-то и о том-то). Диапазон изменчивости заголовка в разных источниках говорит о неустойчивом статусе самого

¹³ На основании Arist. *De motu* 704b, см. Афонасин 2016, 734–735; 753.

текста, для которого искали подходящее место в корпусе не только новые, но и древние его издатели.

Оба сочинения – «О долготе и краткости жизни» и «О юности и старости, жизни и смерти» – в порядке эксперимента было бы интересно издать вместе с трактатами о животных, а именно с трактатами «О частях животных», «О движении животных» и «О передвижении животных», заключив этот сборник все тем же псевдоаристотелевским трактатом «О пневме». Такой том мог бы продолжить линию издания Йегером двух трактатов о движении вместе с трактатом о пневме (*Aristotelis de animalium motione et de animalium incessu. Ps.-Aristotelis de spiritu libellus*)¹⁴.

Близость трактата «О юности и старости, жизни и смерти» к трактатам о животных можно подтвердить прямыми и скрытыми цитатами, ссылками, которые имеются в его тексте. Авторский *index fontium* не слишком велик, но все же показателен: помимо многочисленных корреляций с трактатом «О долготе и краткости жизни», это ссылки только на трактат «О частях животных», а с учетом трактата «О дыхании» – также на «О душе», «О чувственном восприятии» и «Историю животных» (последняя, что подтверждается таким образом, была написана раньше).

Жизнь как предмет исследования в трактате «О юности и старости, жизни и смерти»

Оба трактата, и «О долготе и краткости жизни», и «О юности и старости, жизни и смерти», посвящены исследованию жизни. Поскольку они относятся к физическому разделу философии, здесь Аристотеля прежде всего интересует, во-первых, материя и, во-вторых, движение как причины жизни. И если в трактате «О долготе и краткости жизни» рассуждение опирается на теорию элементов и первичных качеств, то в трактате «О юности и старости, жизни и смерти» – на первичные движения живых тел, а это значит в данном случае: на наиболее универсальные функции души. Здесь для Аристотеля, а еще больше для его читателей, важен контекст учения о душе чувствующей и питающей (растительной), в том виде, как оно изложено во второй книге трактата «О душе». А для трактата «О долготе и краткости жизни» такую общетеоретическую базу представляет «О возникновении и уничтожении», где содержится учение об элементах. По природе разруσιμο и смертно все, что состоит из противоположностей. Вопрос в том, каким образом можно поддерживать оптимальный баланс качеств в организме, насколько влияет на

¹⁴ Jaeger 1913.

этот баланс среда обитания, климат, время года и тому подобные природные условия. В любом случае, где бы на Земле ни обитали живые существа, с их жизнью и молодостью больше ассоциированы теплое и влажное, а для старости и смерти характерно преобладание сухого и холодного. (О юности и старости в трактате «О долготе и краткости жизни» тем самым уже сказано больше, чем в трактате «О юности и старости».) Важный момент состоит в том, что Аристотеля не интересуют практические вопросы, связанные с возможностью сознательного увеличения продолжительности жизни. Он исследует, какие виды живых существ в каких условиях по своей природе живут долго или очень мало, и почему. Сделать отсюда выводы о том, какую диету соблюдать, чем заниматься, в какой климат переселиться или в какую страну переехать, чтобы прожить дольше, – следовало бы предоставить врачу, или другому специалисту, не философу-физику.

Рассмотрение жизни исходя из элементарных качеств и общих первичных функций (движений) позволяет Аристотелю вести речь о жизни вообще, жизни как животных, так и растений. Ведь у тех и других, очевидно, есть тела, состоящие из элементов. Но что общего есть у растений и животных, если обратить внимание на их жизненные функции? В чем они одинаковы, кроме того, что они природные тела?

Ясно, что они одинаковы в том отношении, что они живые. У них есть душа. В главе первой трактата Аристотель говорит о том, что «живое как живое не необходимо должно быть животным, ведь растения хотя и живые, но у них нет чувственного восприятия, а именно благодаря наличию чувственного восприятия мы различаем животных от не-животных». Наиболее общим и объединяющим началом для всего живого будет питающая душа (*θρεπτικὴ ψυχή*), которой обладают как растения, так и животные. И здесь, конечно, не говорится ничего нового, но повторяется то, что было установлено в трактате «О душе»: «питающая душа наличествует у всех, она есть первая и наиболее общая способность» (*De an.* II, 415a23). Аристотель также отмечает, что каждое тело имеет три измерения (верх-низ, право-лево, вперед-назад), и наиболее общим является направление верх-низ: поскольку мы говорим о живых телах, имеет смысл говорить о направлениях их возможного передвижения. Животные могут самостоятельно перемещаться во всех направлениях, а растения, укорененные в земле, – только расти вверх-вниз. Следовательно, верх-низ – это общее. Но верх и низ в царстве живой природы не совпадает с верхом и низом в космосе: для живого верх – это то, откуда поступает пища, низ – то, посредством чего выводится излишнее, оставшееся от процессов жизнедеятельности. Для растений и животных это противоположные направления. Для растений верх – это земля, из которой

они берут пищу, земля же находится внизу пространства природного космоса, поэтому голова для растений – это их корень. И только у человека вследствие прямохождения верх (там, где голова и откуда поступает в тело пища) совпадает с верхом для космоса. О различной топологии верха-низа для биосферы и окружающей природы было сказано и в трактате «О долготы и краткости жизни», где также было указано на обратную пространственную ориентацию растений (*De long.* 467b2). Так что здесь опять-таки не приходится видеть содержательной новизны.

Некоторым новым моментом является рассуждение Аристотеля о том, что общее жизненное начало для растений и животных находится в середине. Ранее подобное рассуждение у Аристотеля было высказано применительно к животным и чувствующей душе. По аналогии со способностью «общего чувства», координирующего действия всех отдельных чувств, Аристотель говорит, что и питающая душа должна быть в середине. Где локализуется середина? Во второй главе трактата Аристотель указывает, что в каждом живом теле есть три части, на которые их можно разделить: часть, которой воспринимается пища, часть, которой выводится излишнее, и грудь – середина между верхом и низом (= тем, чем принимается пища и тем, чем она выводится). Середина – примерно равноудаленная от других частей область, соответствует середине груди.

Растения можно разрезать и они сохраняют способность жить, отрастать заново и становиться полноценными телами. Это объясняется тем, что при разрезании у них сохраняется жизненное начало, находящееся в середине. И насекомые также могут выжить после разделения на части, хотя регенерировать из частей уже не могут. Чем совершеннее животное, тем более совершенны его внутренние органы, и тем менее они могут быть заменены в случае их утраты. У животных есть общее чувство – орган, позволяющий координировать действия различных чувств, и иногда дублирующий их функции. Так, при лишении какой-то своей части, животное может какое-то время существовать и ощущать благодаря «следу чувства» (*ψυχὸν πάθος*), ведь природа едина и в животном душа едина, хоть и мыслится как разделенная на части (способности) растительную и чувствующую.¹⁵ Или может передвигаться, хотя и недолго. Но все же полноценно жить разрезанные животные долго не могут, в силу отсутствия органов «сохранения жизни» и неспособности жизненного начала их восстановить, как в некоторых растениях.

¹⁵ В трактате «О частях животных» (*De part. an.* 665b) Аристотель отмечал, что «начало необходимо должно быть единым, ибо где окажется возможным, одно начало лучше многих» (Карпов 1937, 101).

В следующей главе Аристотель обсуждает, можно ли говорить, что место питающей души в середине по отношению и к семени. Оказывается, да, ведь семечко тоже можно различить на части, две доли, и между ними в середине формируются стебель и корень, отсюда начинается их развитие. Середина растения аналогична сердцу для животных, имеющих кровеносную систему. В отношении них Аристотель еще раньше, в трактате «О частях животных», утверждал, что сердце у них формируется первым.¹⁶

Итак, полагает в середине и питающее, и растительное, и чувствующее начало (у кого оно есть от природы). Середина – наилучшее место для управления (469b). В духе этих идей, намеченных в сочинении «О частях животных», на которое он сам и ссылается, он переходит к следующему ключевому моменту рассуждения этого трактата. Он утверждает, что все части животных и все тело их имеют «врожденная природная теплота», отчего живое является теплым, а мертвое наоборот, холодным. Данный шаг в рассуждении можно считать подготовленным замечаниями, сделанными ранее в трактате «О частях животных», где было отмечено, что неверно располагать центр восприятия и общего чувства в голове, поскольку голова – место очень холодное, место же сердца – наоборот».¹⁷

Жизнь как «врожденная природная теплота»

Итак, если в трактате «О долготе и краткости жизни» Аристотель ограничился указанием на два основных качества жизни – горячее и влажное, но теперь материей жизни полагается более сложная субстанция – врожденная внутренняя теплота (σύμφυτον θερμότητα φυσικήν). Начало ее находится в сердце либо в середине, аналогичной сердцу. Поэтому при охлаждении прочих частей живой организм может сохраняться и выживать до тех пор, пока в нем сохраняется жизненное теплое начало, но при его разрушении неминуемо происходит «то, что называется смертью», т. е. прекращение жизнедеятельности и разрушение частей тела.

Термин «врожденная природная теплота» (σύμφυτον φυσική θερμότης) появляется в трактате «О юности и старости, жизни и смерти» единственный раз (*De juv.* 469b8). Однако не трудно обнаружить, что Аристотель исполь-

¹⁶ *De part. an.* 665b сл.: «когда только что начинают образовываться животные с кровью, будучи еще совершенно малыми, у них становятся заметными сердце и печень» (Карпов 1937, 100); «возникши первым из всех частей, сердце сейчас же начинает содержать кровь», «движения всяких ощущений начинаются в сердце и в нем заканчиваются», «сердце является природным началом для животных с кровью» (Карпов 1937, 102).

¹⁷ *Arist. De part. an.* 665b29–31 (Louis 1956), Карпов 1937, 101.

зует синонимичные выражения в этом и других сочинениях, поэтому, строго говоря, уникальной эту терминологию счесть нельзя. Так, четыре строки спустя ту же теплую сущность Аристотель именуется «природное тепло» (φυσικὸν θερμόν – 469b12). Поскольку данные термины весьма редки и используются для изложения весьма специального учения, всякое их появление представляет большой интерес. В этом отношении значение и определенную новизну трактата «О юности и старости, жизни и смерти» трудно переоценить.

Дело в том, что аналогичное учение имеется в трактате «О возникновении животных», где в том же значении использован термин «внутренняя теплота» (οἰκεία θερμότης). В трактате «О юности и старости, жизни и смерти» сказано, что благодаря природному теплу происходит усвоение и переваривание пищи (469b12), в особенности же «пищи главнейшей» (для высших животных «последняя пища» – это кровь, питающая внутренние части тела). В трактате «О возникновении животных» имеется аналогичное утверждение: «Нужно понимать, что пищу, поступающую в каждую часть тела, переваривает (πέττει) заключенная в ней внутренняя теплота (οἰκεία θερμότης), а если она переварить не может, то погибает, и тогда возникает увечье или болезнь. Подробнее об этой причине мы скажем позднее в сочинении о росте и питании (ἐν τοῖς περὶ ἀξήσεως καὶ τροφῆς)» (*De gen. an.* 784a34–b1).

В трактате «О движении животных» встречается термин «врожденная пневма» (πνεῦμα σύμφυτον), по поводу которой Аристотель говорит, что все животные сохраняют врожденную пневму, а место ее полагается все там же – в сердце или в его аналоге (*De motu* 703a10–18).¹⁸ При этом он ссылается на другие свои сочинения, где об этом уже было сказано. Какие тексты имеются в виду, сказать затруднительно, но термин «пневма» нередко используется в трех работах: «Метеорологика» (здесь встречается также и οἰκεία θερμότης), «История животных» и псевдоаристотелевские «Проблемы» (быть может, они содержат следы не дошедших до нас трудов Аристотеля).

Как мы помним, Аристотель собирался написать трактат «О возникновении животных» после трактата «О движении животных», и, как можно предположить на основании *argumentum ex silentio*, наш трактат «О юности и старости, жизни и смерти» тоже появился позже, чем трактат «О движении животных». Тогда выстраивается ряд синонимичных терминов: πνεῦμα

¹⁸ В русском переводе трактата «О движении» термин πνεῦμα σύμφυτον передан как «врожденный дух» и «жизненный дух» (Афонасин 2016, 750; 751). Как представляется, перевод πνεῦμα как «дух» вносит в аристотелевский текст посторонние коннотации.

σύμφυτον – οἰκεία θερμότης – σύμφυτον φυσικῆ θερμότης (φυσικὸν θερμόν) в соответствии с хронологией произведений, в которых они встречаются в релевантных контекстах. Здесь можно отметить переход от «пневмы» к «теплоте» и поиск подходящего эпитета (σύμφυτον, οἰκεία). «Внутреннему теплу» противоположно «тепло внешнее», тепло окружающей среды (ἐν τῷ περιέχοντι θερμότης – *De gen. an.* 784b6), а для него причина и начало – Солнце. Источником врожденной теплоты является растительная душа. Видимо, поэтому не слишком частый у Аристотеля термин σύμφυτον оказался востребован в контексте биологических сочинений (встречается также в «О сне и бодрствовании» и «Проблемах»), ведь он несет в себе смысл непрерывности, цикличности порождения жизни в природе.

Наконец, в трактате «О возникновении животных», созданном приблизительно в тот же период, что и «О юности и старости, жизни и смерти», активно используется термин «душевная теплота» (θερμότης ψυχική), и по отношению к воздушной пневме «душевная теплота» выступает как более активное, движущее начало: «Животные и растения возникают в земле и влажной среде, потому что в земле присутствует вода, а в воде – пневма, и во всем этом – теплота души, так что в известном смысле все полно душою» (*De gen. an.* 762a20). Термин «душевная теплота» оказывается ключом к пониманию трансформации нашего терминологического ряда (врожденная пневма – внутренняя теплота – врожденная природная теплота), ведь сказать «душевная теплота» – это значит сказать: теплота, причиной которой является душа, но сказать «внутренняя теплота» – значит сказать то же самое, поскольку только душа является внутренним движущим началом для живых существ, а теплота свидетельствует о ее присутствии в теле. Что касается «врожденной природной теплоты», то это выражение также в итоге не означает ничего другого, кроме тепла, причиной которого является душа. Однако эпитет «врожденная» наилучшим образом подчеркивает, что мы говорим об аристотелевском понятии души как энтелехии, формирующей живое тело и никогда не отделимой от него.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bekker, I. (1831) *Aristotelis Opera*. Edidit Academia Regia Borussica. Graece ex recognitione I. Bekkeri. Berlin.
- Düring, I. (1957) *Aristotle in the Ancient biographical tradition*. Göteborg.
- Hett, W.S. (1957, 2000) Aristotle. *On the Soul. Parva naturalia. On Breath*. With an English Transl. by W. S. Hett. Rev. ed. Loeb Classical Library. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.

- Jaeger, W. (1913) Aristoteles. "De incessu animalium", Aristotelis *De animalium motione et de animalium incessu. Ps.-Aristotelis de spiritu libellus*. Ed. W. Jaeger. Leipzig: Teubner.
- King, R. A. H. (2001) *Aristotle on Life and Death*. London: Duckworth.
- Louis, P. (1956) Aristoteles. "De partibus animalium" (639a1–697b30), Aristote. *Les parties des animaux*. Ed. P. Louis Paris: Les Belles Lettres, 1–166.
- Ross, W. D. (1955a) Aristotle. "De vita et morte", Aristotle, *Parva naturalia*. Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 467b10–470b5.
- Ross, W.D. (1955b) Aristotle. "De respiratione", Aristotle. *Parva naturalia*. Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 470b6–480b30.
- Tricot, J. (1951) Aristote. *Parva naturalia (de Sensu, de Memoria et reminiscencia, de Somno et vigilia, de Insomniis, de Divinatione per somnum, de Longitudine et brevitate vitae, de Juventute et senectute, de Respiratione, de Vita et morte), suivis du traité pseudo-aristotélicien de Spiritu*. Traduction nouvelle et notes par J. Tricot. Paris, Vrin.
- Wendland, P. (1903) *Michaelis Ephesii In parva naturalia commentaria, Michaelis Ephesii In parva naturalia commentaria*. Ed. P. Wendland. Commentaria in Aristotelem Graeca 22.1. Berlin: Reimer, 1–149.
- Wendland, P. (1903) *Themistii (Sophoniae) in Parva naturalia commentarium*. Ed. P. Wendland. Commentaria in Aristotelem Graeca 5.6. Berlin: Reimer, 1–44.
- Афонасин, Е. В., пер. (2016) «Аристотель. О движении животных. Предисловие, перевод, примечания», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 10.2, 733–753.
- Карпов, В. П., пер. (1937) Аристотель. О частях животных. Перевод с греческого, вступительная статья и примечания. Москва: Госиздатбиолит.
- Месяц, С. В. (2005) «Трактат Аристотеля О памяти и припоминании», *Космос и душа. Учения о Вселенной и человеке в античности и в средние века*. Под ред. П. П. Гайденко, В. В. Петрова. Москва: Прогресс, 391–406.
- Месяц С. В., пер. (2005) «Аристотель. О памяти и припоминании», *Космос и душа. Учения о Вселенной и человеке в античности и в средние века*. Москва: Прогресс, 407–419.
- Солопова, М. А., пер. (2016) «Аристотель. О долготе и краткости жизни», *Вопросы философии* 12, 169–173.